

Золотая серия поэзии

Евгений
Евтушенко

Между городом Да
и городом Нет

•

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Е 27

*Лучшие стихотворения прошлого и настоящего
в «Золотой серии поэзии»*

Серия основана в 2001 году
Оформление художника *Е. Ененко*

Евтушенко Е.А.
Е 27 Между городом Да и городом Нет: Стихотворения и поэмы. — М.: Эксмо, 2015. — 384 с., илл.

ISBN 978-5-699-00705-9

В этой книге вы найдете рассказ о том, как одна из поэм Евтушенко в момент отчаяния спасла от самоубийства его самого и еще более 300 его молодых читателей. Здесь есть и лучшие стихи поэта о любви, которые заучивались наизусть несколькими поколениями. Многие из них стали песнями.

Его много раз били, как он выражается, «под дых», называли «певцом грязных постелей» и даже «антипатриотом», но он — единственный в России поэт, который до сих пор собирает полные залы, чей музей при жизни открыт на его родной станции Зима и чьим именем названа звезда.

**УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5**

© Евтушенко Е. А., 2015
© Составление, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-00705-9

...Еще в 1954 году Евтушенко поднял голос против сталинизма и антисемитизма.

В 1957 году Евтушенко был исключен из Литературного института за то, что публично защищал роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Дудинцев одним из первых осмелился выступить с критикой советской бюрократической системы.

В 1962 году на встрече писателей и художников с Хрущевым Евтушенко горячо защищал свободу творчества в живописи и скульптуре, напомнив Хрущеву, что нельзя и дальше использовать полицейскую государственную машину, навязывая с ее помощью народу искусство социалистического реализма.

В 1966 году Евтушенко подписал письмо протеста против суда над Синявским и Даниэлем и призывал к этому других писателей.

Много раз Евтушенко ставил себя под удар, добиваясь освобождения арестованных писателей; в их числе были Анатолий Марченко (он был первым, кто написал о послесталинских лагерях, он же стал последним диссидентом, который умер в тюрьме в декабре 1986 года), Лев Тимофеев, Феликс Светов, Наталья Горбаневская, Ирина Ратушинская и Иосиф Бродский.

Несколько раз в разных обстоятельствах Евтушенко обращался к правительству, защищая право Солженицына выражать свои взгляды на русскую историю и религию.

Когда в 1971 году Солженицын был арестован, Евтушенко позвонил руководителю КГБ Юрию Андропову и сказал: «Я готов умереть на баррикадах, если Солженицын снова окажется в тюрьме». Сходного содержания телеграмму он послал и Брежневу.

В роковой день 21 августа 1968 года Евтушенко послал телеграмму Брежневу, выражая протест против вторжения в Чехословакию. Его стихотворение протеста распространялось подпольно.

В 1984 году, став лауреатом Государственной премии по литературе, Евтушенко выступил с письменным заявлением против любых форм цензуры.

Поэзия выбрала Евтушенко в той же мере, в какой он выбрал поэзию. По его признанию, «это беспощадный выбор, но в нем путь к искуплению».

*Из статьи АЛЬБЕРТА К. ТОДДА,
профессора русской литературы
Квинс-колледжа в Нью-Йорке,
«Стихи как реки».
Перевод с англ. А. Сумеркина*

A decorative rectangular border with intricate, repeating scrollwork and diamond-shaped motifs along all four sides.

Где
дорога
домой?

A horizontal decorative flourish consisting of symmetrical, flowing lines with small diamond-shaped accents at the center.

1981 г.

РОССИЯ-БАБУШКА

Как на сцене Бруклина,
разрумянясь клюквенно,
словно после банюшки,
проплывают бабушки,
песнями начинены,
словно Стенькины челны.
И с губами,
 важно выпяченными,
колобками,
 пышно выпеченными
во архангельской печи,
с пылу,
 с жару,
 да со вкусом,
до восьмидесяти с гаком —
обожжешься —
 горячи!
Их цветастые оборки
дают шороха в Нью-Йорке.
От подобных шорохов
далеко ли до грехов!
Ой, жги,
 жги,
 жги...
Это пляшут бабушки!
«Я стара,
 стара,

стара,
я старательная.

У меня опять пора
целовательная.

Дед,
 дед,
 дед,

ты чего это одет
и под одеялом?
Тебе это не прощу,
затащу и отомщу
прежним сеновалом!»

Ах,
 эх,
 ох,
 ух —
среди женщин нет старух!
Не прожить на пенсию.
Умирать —
 так с песнею!

Эх,
 ах,
 ух,
 ох —
бабий вздох
 давно издох.

Не осталось слез для глаз,
не осталось даже нас,
а остался
 только пляс.

Русь,
 ты довоображалась.
Вызывала раньше страх,
Вызываешь нынче жалость.

Ух,
 эх,
 ох,
 ах!
Стыд,
 Россия,
 быть зазнайкой,
если стала попрошайкой,
клянча по миру у всех.
Ох,

 ух,
 ах,
 эх!
Но склоняют с уважением
небоскребы их башки
перед русской песней женскою
перед вами,
 бабушки!
Вытирает слезы негр.
Зал набит,
 а русских нет.

Нету русских.
Где они?
Никого из быв. советских,
ни посольских,
 ни торгпредских, —
только мы с женой одни.
На картошке,
 что ли,
 все?
На приехавшей «попсе».
Как в застой за колбасой,
очереди за «попсой».
Нету русских.
 Где их след?

Может, и России нет?
В сладострастной стадной неге
все они сейчас в «Карнеги»,
где визжат, как туареги,
их фанерные божки,
их бомонд,
 иконостасик;
«Ты — моя банька,
 я твой тазик...»
Выручайте,
 бабушки!

Россия-матушка
 почти угроблена,
но в силе мудрого озорства
как запасная вторая родина
Россия-бабушка
 еще жива!

Июль 1997

* * *

Если снова в глазах так защиплет
от безвременных стольких смертей,
мне страшна не моя незащитность,
а любимой и наших детей.

И никак во мне страх не растает,
если времени вопреки
на их темечках не зарастают
розоватые «роднички».

Я и сам лишь кажусь защищенным.
Убежав от пинков даровых,
я скулю беспородистым щёном
среди стольких машин дорогих.

Не прочитан я, а зачитан.
Замусолен, захватан я весь.
Кто прославленной — тот незащитней.
Слава — самая хрупкая вещь.

Мир в осколках, как в битой посуде.
Норовя похрустеть побольней,
наступают стеклянные люди
на таких же стеклянных людей.

Что в России, себя доконавшей,
нас, быть может, сумеет спасти?
Понимание хрупкости нашей
и невечности вечности.

28 марта 1997

ПОХОРОНЫ ОКУДЖАВЫ

Сколько б жизнь меня ни ухудшала,
я из тех,

 в ком вечен Окуджава.
Отвергая жирную державность,
худенькая совесть удержалась
акробаткой-девочкой в стране
на гитарной тоненькой струне.
Прощаться шел с тобой,

 Булат,
весь в шестидесятниках Арбат.
Мы пионерлагерники.

Мы
 беглецы из крымской Колымы,
той,

 где красногалстучных калек
у своих костров
 ковал Артек.

Мы не стали копиями точенькими
Павлика,

 не стали «бюджетовчиками»,
Не сгорели мы на тех кострах.

Мы —
 плеяда победивших страх,
но у нас на лицах,

 как овраги,
отпечатки танков наших в Праге

Шли семидесятники вослед —
в тюрьмах не пришлось им досидеться
до надежд прекрасных диссидентства

ни надежд,

ни диссидентов нет.

Каждой новой власти не под стать
те, кто помогли ей властью стать.

Шли семидесятницы-старушки,
до сих пор легендами не став,
а когда-то гордо шли в психушки
девочками в беленьких носках.

Но и в лагеря к ним прилетала,
утешая все-таки во сне,
та гитара

с лялочкой,

с веревочкой,

та гитара с песенкой-дюймовочкой
на покрытой инеем струне.

Шли восьмидесятники.

Им всем

выпала лишь вера в IBM,
ибо верить больше было не во что,
но все та же худенькая девочка
их не оставляла насовсем,
и, качаясь на струне Булата,
верила во что-то виновато,
чувствуя огромную страну,
как свою огромную вину.

Шли они —

ни лирики,

ни физики,

первые идеалисты-бизники,
прежде, чем возникли бизнюки, —
в блейзерах Версаче слизняки.